

**США И ПОЛИТИКА «УМИРОТВОРЕНИЯ»
ЮГА ФИЛИППИН (1901-1913 гг.)**

Традиционно, провинция Моро, охватывающая южные районы Филиппин, стояла особняком от остальной части Филиппинского архипелага, как в военно-политическом, так и в культурно-религиозном отношении. Моро – общее название тринадцати исламизированных этно-лингвистических групп, населяющих острова Минданао, Палаван, Басилан и архипелаг Сулу и составляющих не более 7% от общего числа филиппинского населения¹. 77% населения моро представляют крупнейшие народности – *маранао*, *магинданао* и *таусуг*. 10% приходится на *сама*, 4% – *якан*, оставшиеся 9% – *иранун* и языческие племена.

История взаимоотношений этой немногочисленной группы мусульманских народностей с христианским большинством Филиппин и колонизаторами наполнена бесконечными конфликтами и борьбой за право на собственное вероисповедание и государственное управление².

К моменту высадки испанского колониального корпуса в XVI в. на юго-востоке острова Минданао и архипелаге Сулу уже существовали исламские султанаты (Сулу и Магинданао), которые крайне враждебно отнеслись к вторжению испанцев и массовому обращению филиппинцев в христианство. На протяжении всего периода испанского владычества моро весьма успешно сопротивлялись колониальной экспансии³. Лишь во 2-ой пол. XIX в. испанцам удалось прочно закрепиться на южных рубежах. Но внутренние районы Минданао так и остались незавоеванными. Формально к 1870-м гг. испанцам удалось добиться от султанов признания испанского протектората, однако по факту они удерживали контроль лишь над прибрежными территориями.

Будущий статус южных районов во время филиппинской революции оставался неопределенным. Лидеры филиппинских

повстанцев предлагали два варианта — либо эти районы должны были стать со временем частью унитарного филиппинского государства с сохранением автономии, либо вступить в федеративные отношения с ним. Но проблема мусульманского Юга не ограничивалась лишь вопросом административно-территориального статуса областей. Между двумя основными конфессиональными группами филиппинского населения, развивавшимися в изоляции друг от друга в течение более чем 300-летнего периода, сохранялись антагонистические отношения. Дело в том, что еще в годы испанского владычества на Филиппинах было положено начало переселению на Минданао крестьянской бедноты из северных христианизированных провинций. Помимо крестьян-переселенцев, увеличение численности которых было призвано «уравновесить» христиан и мусульман на Южных Филиппинах, на Минданао переселялись и богатые католики, которым покровительствовала испанская администрация. Но такая практика способствовало лишь еще большему отторжению Юга от Севера⁴.

Революционное правительство 90-х гг. XIX в. предпринимало шаги для преодоления вражды между христианами и мусульманами. Позиция филиппинских лидеров основывалась на идее общефилиппинского национального единства в борьбе с испанским колониализмом (одинаково угнетавшим как христиан, так и мусульман). Ненависть моро к христианам объяснялась политикой испанцев, насильственно разъединивших филиппинские народы. Но моро не доверяли северянам⁵. Сказывались традиционная враждебность к христианскому населению, длительная изоляция южных районов, их социально-экономическая отсталость и политический застой, господство мусульманской идеологии, ориентировавшей филиппинцев-мусульман на принадлежность к «миру ислама» и культивировавшей религиозную обособленность мусульманской общины. Правители султанатов воспринимали филиппинское республиканское правительство как преемника испанской колониальной администрации и избегали вовлечения южных районов в общий процесс освободительной борьбы⁶.

С похожими вызовами столкнулась и американская колониальная администрация. В то же время, формально моро чис-

лились в составе испанской колонии, и в соответствии с положениями Парижского мирного договора 1898 г. суверенитет над о. Минданао и архипелагом Сулу, так же, как и над всеми Филиппинами, передавался Испании США. Но первое время американцы не могли себе позволить одновременно вести военные действия и с мусульманами южных районов, и с партизанами Лусона. Требовалось хотя бы временное замирение Юга. Американцы пошли на ряд уступок. В частности, в августе 1899 г. американский генерал Джон Бейтс заключил договор с султаном и рядом сулуанских дато, по которому моро признавали суверенитет США над Сулу, но одновременно американская сторона обязалась не вмешиваться во внутренние дела султаната.

В целом, появление американских оккупационных войск первоначально не вызвало особой реакции в султанатах. Американцы почти не встречали сопротивления. Правящие круги султанатов относились к вторжению США как к злу значительно меньшему по сравнению с перспективой подчинения республиканскому правительству христианского большинства. Они были готовы признать власть США взамен на доминирующие позиции в мусульманских владениях, свободу торговой деятельности моро и сохранение внутренней автономии. Первые дипломатические акции американцев давали основание для подобных надежд⁷. Более того, некоторые моро участвовали в подавлении партизанского движения против американцев на севере. Но это не означало, что американцы внушали им доверие. Просто мусульманские народы воспользовались шансом отомстить своим давним религиозным соперникам, а американцы лишь неверно истолковали такое поведение в свою пользу. Моро оказались более проницательными. Американские политики не приняли во внимание тот факт, что испанцам и трех веков не хватило, чтобы добиться подчинения мусульман⁸.

Короткий мирный период уже в 1901–1902 гг. сменился растущей враждебностью моро. Американцы, задушив национально-освободительное движение на севере архипелага, взяли курс на подчинение южных районов. К тому же, многие противники дипломатических методов в США жестко раскритиковали договор Бейтса за разрешение практики рабовладения

среди моро и фактически его денонсировали. Военные стали агитировать за прямое правление⁹. Они смотрели на вождей моро как на дикарей, не готовых к гражданскому цивилизованному правлению. На этом основании американская армия установила военно-политическую власть на большей части территории Минданао и Сулу, которая сохранялась вплоть до 1913 г.¹⁰.

В 1903 г. провинция Моро была утверждена в качестве гражданско-военного административного округа. Американская администрация ввела западную систему управления на Минданао и Сулу и начала проводить цивилизаторскую политику по ознакомлению местных мусульман с западными институтами и идеями. Продолжалась политика уступок феодальной знати. Поначалу колониальные власти воздерживались от вмешательства в сферу религии, а также в традиционную исламскую систему правосудия и религиозного образования (хотя и начали открывать школы современного типа), оставив на время эти области внутренней жизни моро под контролем султанатов.

Американцы, вводя прямое правление, старались действовать осторожно, пытаясь избежать кровопролития. Филиппинская комиссия обещала не вмешиваться в дела внутриплеменной организации и культуры и не обращать мусульман в христианство насильно. Американцы не запрещали, но и не поощряли христианских миссионеров, прибывающих проповедовать в южные районы¹¹.

Сторонники более жесткой линии возрадовались, когда в провинцию Моро прибыл генерал-майор Леонард Вуд, которого назначили военным губернатором южных Филиппин. Близкий друг президента Теодора Рузвельта и бывший военный губернатор оккупированной США Кубы, Вуд был реформатором по натуре. Под его руководством законодательный совет провинции Моро отменил рабовладение, заменил местный свод законов американской моделью правосудия и восстановил испанский налог - *седула*, которым облагался каждый взрослый мужчина¹².

Вуд хотел побороть беззаконие и хаос, которые, по его мнению, царили в провинции Моро. Однако он столкнулся с сильной местной оппозицией. Ликвидация рабства и традици-

онного правового кодекса нанесла удар по власти местных да-то. Кроме того, сопротивление моро было обосновано и религиозными мотивами. Несмотря на заверения американцев, они страшились насильственного обращения в христианство. Американцы, вмешавшись в исламскую систему правосудия, окончательно подорвали свой авторитет и утратили доверие местного населения. Никто не гарантировал, что и христианизация не коснется моро. Введение седулы было воспринято как попытка заставить платить налоги христианскому правительству. Воинственные мусульмане фактически объявили войну американским захватчикам. Партизанское движение, постоянные засады и *хураментадо* (джихад воинов-смертников) стали обыденным явлением на Минданао и Сулу. Но по вооружению моро значительно уступали американцам. Сабли и копья не шли ни в какое сравнение с американским огнестрельным оружием. В ходе массовых карательных операций Вуд и его солдаты уничтожили сотни моро. Такая беспрецедентная по жестокости кампания окончательно подорвала усилия по бескровному умиротворению Юга и привела к еще более кровавому инциденту. В 1906 г. сотни обозленных мусульман собрались у вулкана Буд Дажо недалеко от столицы архипелага Сулу-Холо и спрятались в укрепленном кратере потухшего вулкана. Вуд устроил беспощадную бойню, уничтожив около тысячи таусугов, включая женщин и детей¹³. Инцидент при Буд Дажо получил широкую огласку и вызвал протест со стороны антиимпериалистических кругов США, которые подвергли сомнению необходимость в проведении штурма. В результате Вуд в 1906 г. покинул свой пост. Его заменил бригадный генерал Таскер Блисс, который предпочитал дипломатию политике принуждения. Ему удалось восстановить стабильность путем отмены практики массовых карательных экспедиций и введением индивидуальной ответственности за совершение тех или иных преступлений¹⁴.

В 1909 г. на посту военного генерал-губернатора Блисса сменил бригадный генерал Джон Першинг. Он продолжил политику Блисса и заверил вождей, что только конкретные лица, виновные в преступлениях, будут нести ответственность за содеянное. Однако следующий виток противостояния с моро был неизбежен. Связан он был, прежде всего, с вопросом всеобщего

разоружения. Идея разоружения моро витала в воздухе еще при Блиссе, однако колониальные чиновники, страшась ожесточенной реакции местных, медлили. В 1911 г. Першинг сумел добиться единодушия по этому вопросу и провозгласил новый закон о сдаче огнестрельного и холодного оружия. Многие моро, для которых оружие являлось атрибутом статуса и независимости, ответили отказом. Конфликт разгорелся с новой силой. Вновь были задействованы американские войска. Вновь моро собрались у Буд Дажо, символом мужества и стойкости своих собратьев, но Першинг нанес упреждающий удар, не дав мусульманам опомниться. Операция американских военных на этот раз прошла успешно. Потери со стороны местного населения были невелики, всего 12 человек. Однако метод повальной зачистки был повторно применен в 1913 г., когда произошла битва в кратере вулкана Буд Багсак в восточном Холо, в результате которой все спрятавшиеся мусульмане были убиты. Подавив этот последний очаг сопротивления, США полностью установили контроль над Югом. В 1913 г. провинция Моро была упразднена и заменена Округом Минданао и Сулу, который представлял собой гражданское правительство во главе с американским колониальным офицером. Моро были разоружены. Да и сами моро, когда забрезжила возможность обретения независимости от США, стали искать контактов с американцами, боясь, что с их уходом они окончательно окажутся под властью ненавистных христиан¹⁵.

Американцы были достаточно безжалостны по отношению к моро, поэтому вряд ли они добились бы их подчинения, не проводя, наряду с жестким курсом подавления, мирную политику привлечения южных народов. Основные усилия колониальные власти традиционно направили в сферу религии и образования, призванные устранить нарастающее напряжение между военной администрацией и населением Юга. Для этого привлекались не только американские гражданские служащие, но и культурные посредники с Ближнего Востока, непосредственно знакомые с исламом и владеющие арабским языком.

В числе наиболее ярких представителей Ближнего Востока, пребывающих в колониальных Филиппинах, был Наджиб Салиби (1870-1935 гг.), ливанский врач-протестант родом из

Бейрута, а впоследствии натурализованный гражданин США. Будучи знакомым с арабским языком и исламом, он стал первым ведущим американским экспертом по мусульманским народам юга Филиппин.

Салиби окончил Сирийский протестантский колледж (сейчас Американский университет в Бейруте) и в 1896 г. эмигрировал в Нью-Йорк с целью получить диплом по медицине. Во время американо-испанской войны на Кубе работал военным врачом и набирался опыта в медицинском деле - проводил анатомические исследования по тропическим болезням и вскрывал трупы. На Кубе Салиби имел возможность следить за быстрым карьерным взлетом врача Леонарда Вуда, который стал сначала американским военным губернатором Кубы, а затем был назначен военным губернатором провинции Моро на Филиппинах. В 1901 г. Салиби оказался на юге Филиппин, в г. Малабанг на юго-западном побережье Минданао, родине магинданао. Владение Салиби арабским языком и его знания ислама признавались очень ценными. С его помощью американские военные рассчитывали ближе познакомиться с местным населением южных Филиппин.

Все свободное время Салиби посвящал знакомству с культурой моро. Он забросил врачебное дело, полностью отдавшись новому интересу. Его прикрепили к военным высшего ранга. Салиби переводил для них письма на языках моро, разъяснял статус мусульманских вождей и устанавливал с ними дружеские отношения. Наджиб был единственным американцем в армии, который мог общаться с местными народами без переводчика наряду с арабскими и афганскими шарифами¹⁶, служившими советниками при султанах моро и многочисленных дато. Также он тесно общался с местными пандитами (исламскими клерикалами), знакомыми немного с арабским языком и исламской доктриной. Они значительно расширили познания Салиби в области культуры и традиций моро, помогли ему освоить языки таусуг и магинданао. Сирийский исследователь собирал генеалогии вождей (тарсилас), изучал историю обращения местных народов в ислам, занимался кодификацией местной системы правосудия, которая представляла собой смесь шариата и традиционных воззрений. Ученый полагал,

что восстановление и публикация истории Минданао и Сулу, а также модернизация судебного кодекса станут ключевыми элементами в возрождении моро и сохранении их религиозной свободы и достоинства.

Салиби рассматривал моро, как народ, населяющий восточную часть исламской уммы, чья цивилизация, космополитические связи и культура были либо стерты из памяти либо оклеветаны предрассудками, которые американцы унаследовали от испанцев, особенно в отношении их якобы жестокости и варварской дикости. Тем не менее, когда Салиби сравнивал ислам моро с мусульманами Османской Сирии, он обнаружил, что их ислам представляет собой не более чем видимость внешних обрядов, прикрывающую анимистические верования. Он наблюдал, как многие пандиты (санскритское название которых само по себе свидетельствовало о наличии глубоких индуистских корнях) практиковали обряды, запрещенные ортодоксальным исламом¹⁷.

Принимая во внимание такое положение вещей, американские колониальные власти не могли не определить для себя главные цели и задачи колониальной политики в южных районах. В первую очередь необходимо было добиться замирения Юга. Стояла задача по уменьшению культурной изоляции мусульманской общины Филиппин и их интеграции в общенациональную жизнь архипелага. В то же время нельзя было откровенно покушаться на местные традиции и обычаи, тем более на такую религию как ислам, на фоне которого христианство не могло себя чувствовать уверенно, как в случае с примитивными племенными верованиями. Радикализация религиозных настроений среди мусульман считалась недопустимой. Именно Наджиб Салиби положил начало разрешению существующих противоречий между американской армией, мусульманами и христианами Филиппин.

В авг. 1903 г. Салиби был назначен гражданским инспектором школ провинции Моро. В его обязанности входило строительство школ, деление провинции на административные районы, снабжение их преподавательскими кадрами, назначение зарплат американским и местным учителям и, наконец, составление программы обучения. Он обладал достаточной свободой

действий, что обуславливалось социальными условиями и менталитетом народов, с которыми местный глава образования имел дело.

Население южной провинции было довольно пестрое и неоднородное в этническом, религиозном и языковом отношении, что осложняло работу гражданского инспектора. Провинция Моро была поделена на пять районов – Сулу, Котабато, Давао, Ланао и Замбоанга. Замбоанга, бывшая главной военно-морской базой испанцев в южной части Филиппин, была объявлена центром провинции Моро при американской администрации. Собственно, христиане, составлявшие меньшинство на Юге, были обнаружены именно там. Учитывая, что здесь благодаря иезуитам уже существовали приходские школы, работа с христианским населением в данном районе не представляла особой сложности. Однако мусульманские и другие нехристианские племена оставшихся районов, различавшиеся по социальному, моральному и интеллектуальному уровню, а также по степени готовности к адаптации к современной цивилизации, были менее благожелательно настроены в отношении государственных школ начального образования. Моро относились к современным, тем более христианским школам, с глубоким подозрением, не говоря уже о язычниках, которых вполне удовлетворял их примитивный образ жизни.

Что касается иезуитов, продолживших свою миссионерскую деятельность на Юге при американцах, то они также воспротивились открытию школ для мусульман. В 1904 г. только две из 42 школ обслуживали моро, остальные были исключительно христианскими¹⁸. Лишь посредничество Салиби, имевшего за своими плечами большой опыт общения с разными религиозными общинами, помогло успешно сгладить конфликт с иезуитами, выступающими против введения государственных школ.

Всего за первые пять лет американского присутствия на юге было открыто 52 школы. На них приходилось 15 американских учителей и 54 местных. Мусульманами были лишь 9 из них. Что касается учащихся, то их численность достигала 2,114. Но надо сказать, что и здесь статистика не менее показательна. Большинство учащихся – 1764 человека – были христианами,

240 – мусульманами и лишь 110 – язычниками (багобо)¹⁹. Соответственно, перед американцами стояла непростая задача по привлечению на свою сторону, в первую очередь, мусульманского населения.

Перед Салиби встала проблема нехватки компетентных местных преподавателей. Американские учителя, не знавшие ни слова на языках моро, не могли справиться самостоятельно. Пришлось нанимать более-менее образованных жителей Юга Филиппин и осевших в здешних местах арабов, которые взялись за составление словарей для американцев. Эти же люди принимали участие в подготовке для американцев кадров, владеющих языками таусуг и магинданао. Салиби настаивал на том, что моро, не знавшие ни английского, ни испанского, имеют право приступить к обучению на их родном диалекте. Некоторые моро, помимо своих языков, могли знать еще и несколько слов по-арабски, необходимых для чтения Корана, но, как правило, этих слов было недостаточно для глубокого понимания священной книги мусульман.

В целом, школьная система на Юге должна была соответствовать общему курсу, разработанному Бюро образования во главе с Бэрроузом, который его возглавил. Однако были кое-какие отличия от программы начальных школ в северных провинциях. Например, обучение чтению и письму велось на местных диалектах, но арабской вязью. Салиби доказывал, что обучение английскому языку детей в начальной школе бесполезно, так как большинство из них не смогут применить эти знания на практике в своих заброшенных деревнях. Определенную пользу в распространении английского языка он видел, но только для тех 4% населения, которые могли позволить себе учиться в колледжах или в университетах. Однако он находил смешным и недемократичным пропаганду среди поработанного населения языка колонизаторов на фоне одновременных попыток привить колонизированным народам дух патриотизма и национального единства.

Большую поддержку американским начинаниям в деле просвещения Юга оказывали школы пандитов – исламских богословов, которые пользовались уважением и авторитетом в своих общинах. Бюро образования снабжало их необходимыми

книгами, включая Коран, и письменными принадлежностями. Пандиты не требовали платы за свою работу и по сути продолжали заниматься тем, чем занимались представители их круга на протяжении многих веков, а именно разъясняли местным юнцам основы ислама и учили их элементарной грамоте.

Положительная роль пандитов в делах посредничества и привлечения членов общины в начальные школы не осталась незамеченной. Салиби оказывал им большую поддержку и даже добился согласия Исполнительного совета, состоявшего из американцев, на то, чтобы Коран временно использовался в южной провинции как учебник, до тех пор, пока не будет составлена программа обучения для мусульманских школ.

Образование на Юге носило традиционный религиозный характер. В отличие от северных районов архипелага оно, во-первых, состояло в изучении основ не христианства, а ислама, распространяемых на арабском, малайском и местных языках (например, на таусуге); и, во-вторых, было инициировано не испанскими колониальными властями и католическими монахами, а исламскими миссионерами из ближневосточных и соседних мусульманских стран, путешествующих с проповедями по региону ЮВА и появившихся здесь задолго до прихода испанцев.

Среди моро был распространен арабский алфавит. Строгой регламентации знаний не было. Учебниками служили Коран и классические малайские тексты. Обязательными считались знание пяти столпов ислама (*шахада, намаз, ураза, закят, хадж*) и четырех основных понятий ислама – *имам* (духовное лицо мусульман, заведующее мечетью), *ислам, таухид* (догмат о единственности и единстве Аллаха), *марифат* (познание Аллаха и знание о нем). Разъяснялись термины исламской юриспруденции, в частности, *нисаб* (минимальный достаток или имущество, с которого необходимо выплачивать закят) и *узр* («извинительное состояние»²⁰). Учеников приучали к систематической обработке земли как способу честно зарабатывать на жизнь и кормить семью; прививали уважение к чужой собственности; учили заботиться о женщинах и детях в соответствии с положениями Корана. Таким образом шла исламизация населения.

Распространением подобных знаний занимались пандиты. Особым спросом пандиты пользовались среди местных вождей, которые нанимали богословов для своих детей и искали у них совета как удерживать население в послушании и подчинении.

Также сведения об исламе поступали от паломников, совершивших хадж в Мекку, и от малайских ученых, которые периодически посещали мусульманскую общину на Филиппинах²¹. Но, как и в большинстве случаев, основной массе мусульманского населения эти знания были недоступны, только семьям вождей, поэтому ислам в чистом виде господствовал далеко не везде. Это не могло не радовать американцев, желающих ослабить влияние ислама в регионе. Однако более прогрессивные и дальновидные колониальные чиновники понимали, что распространение адекватных знаний об исламе среди варварских мусульманских племен облегчит их знакомство с современной цивилизацией и западными идеалами²². Практика общения с пандитами, оказавшимися более открытыми к восприятию новых идей, лишь подтверждала достоверность этой мысли. Однако Салиби, положивший начало ее реализации, не сумел довести до конца начатое. По отношению к Наджибу зрела «неконтролируемая антипатия» со стороны генерал-губернатора Вуда. Пропаганда двуязычного образования и критика империализма подтачивали основы американской демократии на Юге, что не могло не вызывать настороженности официальных колониальных властей. К Салиби росло недоверие, особенно после его предложения привлечь на службу его соотечественников с Ближнего Востока.

Росли и притязания Салиби на пост гражданского губернатора провинции Моро, чего военные уж никак не могли допустить. Минданао и Сулу, по факту являвшиеся периферией архипелага, служили отличной площадкой для продвижения по службе американских бойцов. Зачастую многочисленные жестокие расправы и карательные походы американских военных батальонов объяснялись не политикой устрашения, а их банальным стремлением получить новое звание. Битва у вулкана Буд Дажо являлась следствием такой установки.

Конфликт между Салиби и Вудом нарастал и в итоге к 1905 г. привел к закату политической карьеры первого. Сначала

Актом филиппинской комиссии была упразднена должность инспектора. Все полномочия в образовательной сфере перешли в руки губернатора провинции. Был положен конец двуязычному образованию. Английский стал основным языком обучения в школах. Такой поворот событий стал последней каплей для Салиби, и тот подал в отставку. Работа по продвижению демократических ценностей застопорилась. Американские военные отказывались признавать власть местных лидеров. Тот факт, что моро не имели представительства в правительстве, которое США учредили в их же интересах, препятствовал переходу к гражданскому правлению. Известно, что Салиби неоднократно в своих письмах обращался к военным губернаторам Вуду и Блисссу с просьбой позволить ему занять пост гражданского губернатора. Но Салиби до последнего воспринимался военной когортой как чужак-иностранец, этнические особенности которого, а также связи с мусульманским миром на Ближнем Востоке, вызывали недоверие. В итоге в марте 1907 г. Салиби оставил правительственную службу, переехал в Манилу и продолжил свои исследования по этнографии, лингвистике и медицине.

Но, к счастью для моро, Салиби был не единственным, кто искренне верил в то, что американское правительство должно по-отечески заботиться о моро и других нехристианских племенах Филиппин. Капитан Джон Финли, военный метеоролог и губернатор округа Замбоанга, был одним из таких людей. Дух реформизма и энтузиазм капитана подтолкнули его к разработке цивилизаторских проектов в области продвижения всеобщего образования, борьбе с рабством и другими пороками отсталых народов. В то же время Финли пытался оградить моро и язычников Юга от эксплуатации христианами и китайскими торговцами путем создания подобия профсоюзов²³.

Знакомясь с укладом жизни филиппинских мусульман, американские исследователи обнаружили немало традиций и законов, не соответствующих американским принципам справедливости и гуманности. Тот же Салиби осуждал рабовладение, дискриминацию женщин и обычаи кровной мести. Народы моро практиковали бандитизм, убийства, злоупотребление алкоголем и опиумом. Причиной всех этих прегрешений Финли

видел в отсутствии истинного понимания ислама. Финли был убежден, что американцы могут положить конец этим зловерным практикам, продвигая более просвещенный ислам и распространяя его более ясное и прогрессивное толкование.

Большую поддержку Финли в этом вопросе оказал Абдулла Нуньо, один из местных мусульманских лидеров, сын известного воина и вождя о. Балангинги Сама. Под его руководством небольшой городок Талюксангай в Замбоанге обратил на себя внимание группы арабских и малайских шейхов и хаджи. В итоге это место стало важным центром исламской пропаганды на Юге Филиппин²⁴.

Финли, приметивший Нуньо и впечатленный его незаурядным умом и преданностью исламу, назначил его заместителем старосты по межплеменным делам. Нуньо, в свою очередь, выразил готовность поддержать проект Финли по продвижению истинных исламских ценностей. Он активно выступал с публичными речами перед мусульманскими племенами, обличал рабство и советовал родителям отдавать детей в начальные школы. Нуньо часто сопровождал Финли в его инспекционных поездках, разговаривал с людьми и даже помогал разрешать споры. Финли, отдавая должное своему новому помощнику, называл его «самым прогрессивным лидером моро» и «Авраамом Линкольном народов моро».

Не останавливаясь на достигнутом, Нуньо и Финли пошли гораздо дальше. В ходе совместной работы они разработали проект петиции, адресованной послу Османской Империи в Вашингтоне. Петиция запрашивала духовного представителя султаната в провинцию Моро для оказания помощи в религиозных делах.

Меж тем, план двух партнеров оказался под угрозой срыва. В 1909 г. в качестве нового губернатора провинции Моро был назначен Джон Першинг, заменивший на этом посту Таскера Блисса. Между Першингом и Финли возникли непреодолимые разногласия. В итоге в 1911 г. Першинг попросил Финли оставить свой пост, на что Финли ответил отказом. Лишь после вмешательства Леонарда Вуда, командующего армией США, Финли вынужден был уйти в отставку и уехать в Америку.

Но даже находясь в Америке Финли не собирался отказываться от намеченной цели. Оставаясь преданным своему делу, он стал убеждать правительство США сотрудничать с правительством Османской империи, чтобы дать *«более просвещенные и прогрессивные знания об истинах и добродетелях ислама народам моро»*. Финли представил на рассмотрение президенту США, У. Тафту, конкретный план по привлечению мусульманского духовного наставника из Османской империи в провинцию Моро сроком на 12–18 месяцев. По замыслу Финли проповедник должен был разъяснять народам моро принципы административной политики США, положения Корана и американских законов, не допускающих зловредных предубеждений. Убедив президента Тафта в том, что *«праведный мусульманин – добропорядочный гражданин»* и заручившись поддержкой высших военных кругов, Финли добился разрешения отправиться с неофициальной миссией в Османскую империю, а затем на Филиппины, где вновь он получал разрешение занять пост губернатора Замбоанги²⁵.

Визит Финли в Османскую империю широко освещался в американской прессе. Он успешно справился с заданием, передал петицию Мехмеду V и получил согласие султана на просьбу отправить одного из своих ведущих богословов в качестве шейх аль ислама²⁶ на Филиппины. Выбор пал на ученого араба из Наблуса в Палестине, математика, Саида Мохаммеда Афанди Ваджи аль Джилани.

Тем временем, в Замбоанге губернатор Першинг провинции Моро пытался всячески не допустить возвращение Финли в Замбоангу и даже обращался с этой просьбой в Военный департамент США. Торговая палата Замбоанги также приняла резолюцию против возвращения Финли и отправила ее в Военный департамент.

После прихода к власти в США демократической администрации во главе с президентом Вудро Вильсоном в окт. 1913 г. в качестве нового генерал-губернатора Филиппин в Манилу приехал Францис Гаррисон. Военное управление сменялось гражданским. Американская армия передавала контроль над внутренними территориями филиппинским скаутам и констабулярии. Многие военные колониальные офицеры покинули

острова. В соответствии с новой политикой администрации, направленной на расширение самоуправления и дарования большей независимости Филиппинам, Гаррисон упразднил провинцию Моро как административную единицу и учредил округ Минданао и Сулу, назначив в качестве губернатора Франка Карпентера. Эта административная перестановка окончательно закрыла двери возвращению Финли на пост губернатора Замбоанги²⁷.

Несмотря на кадровую чехарду на Минданао, договоренность с Османской империей оставалась в силе, и уже в январе 1914 г. Ваджи аль Джилани прибыл через Сингапур в порт Замбоанга с сотней паломников, возвращающихся из Мекки. Он был тепло встречен Финли, Нуньо и другими представителями местной мусульманской интеллигенции. Финли организовал серию публичных встреч в Талюксангае, Басилане и других городах Замбоанги, на которых Ваджи аль Джилани читал проповедь о том, что значит на самом деле быть «добропорядочным гражданином и мусульманином».

Но далеко не все в администрации губернатора Минданао были в восторге от прибытия шейх аль ислама. В частности, начальник констабулярии докладывал Карпентеру, что религиозный энтузиазм, вызванный проповедями аль Джилани, может усилить влияние хаджи и имамов. Опасаясь, что Ваджи аль Джилани станет серьезной угрозой в мусульманских районах на юге, Карпентер запретил аль Джилани и Финли выезжать за пределы Замбоанги. Карпентер фактически вынудил обоих покинуть Замбоангу и уехать в Манилу, после чего Гаррисон отправил аль Джилани на родину в Стамбул.

Что касается судьбы Нуньо, он продолжал работать в новом округе Минданао и Сулу. Тем временем, на Минданао зрел раскол. Филиппинские националисты в Замбоанге стали активно проводить кампании за независимость Филиппин. Мусульманским же лидерам, наоборот, было выгодно американское присутствие, и Нуньо был одним из сторонников этого лагеря. Когда в 1916 г. был издан Закон Джонса, который провозглашал подготовку Филиппин к автономному правлению, Нуньо представил генерал-губернатору страны Гаррисону петицию, в которой просил, чтобы Минданао и Сулу не попадали под про-

возглашенную автономию и оставались под управлением США. Гаррисон не пошел на это, но обещал, что исламу, в случае принятия закона об автономии, ничего не угрожает. Нуньо принял это. До конца своих дней Нуньо пропагандировал ислам в провинциях Ланао и Замбоанга. В 1918 г. он скончался в возрасте 70 лет²⁸.

Как видно, Нуньо пытался распространить религиозные основы среди мусульман в провинции Моро так, чтобы они соответствовали потребностям новых политических и социальных условий, сложившихся под управлением американской администрации. Нуньо рассчитывал установить контакты с центрами по изучению ислама за пределами Минданао и Сулу, заручившись поддержкой американской администрации.

Нуньо, как человек, совершивший хадж и много путешествовавший, был хорошо осведомлен о могуществе западных держав и их военном и экономическом превосходстве. Поэтому, вполне возможно, что Нуньо хотел установить тесные отношения с остальным мусульманским миром, чтобы вместе противостоять Западу, используя религию в качестве связующего звена и духовной скрепы. Подарки Османской империи, переданные еще аль Джилани и выставленные в мечети Талюксангая, служили и до сих пор служат напоминанием о связях с мусульманским миром южных Филиппин. В то же время Нуньо принимал покровительство США, обещавших не вмешиваться в религиозную жизнь Юга. Только так, балансируя между двумя центрами силы, можно было претендовать на реальную независимость своего региона.

Хотя филиппинским мусульманам и не удалось создать более современную и просвещенную исламскую концепцию, как их современникам на Ближнем Востоке – исламским реформистам, они успешно впитывали западные знания и идеи, пытаясь распространить ислам и развить свою собственную идентичность в качестве настоящих мусульман, имеющих отношение к мировой умме.

Что касается отношения моро к событиям, произошедшим в 1913 г. при переходе от военного к гражданскому правительству, то большинство слабо понимало суть изменений. По факту, американские власти признавали ошибочность политики,

проводимой до этого. Если раньше моро воспринимались отдельно от христианских народов Филиппин, то под новым гражданским режимом в рамках процесса филиппинизации их объявляли филиппинцами. Провинция Моро переименовывалась в округ Сулу и Минданао с однозначной целью – подвергнуть забвению слово «моро». Несмотря на заверения американцев, попытки урезать свободу вероисповедания продолжались на том основании, что моро не являются настоящими мусульманами, и их понимание ислама поверхностно, вследствие чего они смогут быстро от него отказаться. Наиболее просвещенные круги моро тоже признавали, что они не являются истинными последователями ислама. Однако, всецело понимая последствия зависимости своего края от США, они были готовы воспринимать идеи Корана, чтобы заручиться поддержкой мировой уммы. Поэтому долго и упорно вместе с сочувствующими колониальными чиновниками они продолжали запрашивать мусульманских проповедников с Ближнего Востока. В ответ на обвинения в том, что моро не являются настоящими мусульманами, они справедливо замечали, что среди христиан тоже нет единства, и далеко не все из них чтят заветы Христа²⁹.

Тем не менее, американцы, учитывая растущий арабский национализм на Ближнем Востоке, опасались, что связи с этим дальним регионом повлияют на рост в потребности филиппинского самоопределения. Запрет на проповедников и иммигрантов был связан именно с желанием ограничить контакты филиппинских мусульман с возможными «подрывниками» стабильности извне. Активно внедрялось изучение английского языка в школах. Чтобы ослабить влияние ислама на Сулу и Минданао, вводилась практика выделения государственных стипендий представителям мусульманской молодежи для обучения в высших учебных заведениях Манилы и США. Ограничения подвергся и хадж. В нем американские власти усматривали не только угрозу возможного подъема ислама, но и социально-экономическую угрозу. Многие мусульмане часто впадали в нищету, тратя все накопленные средства на паломничество в Мекку, что многие американцы рассматривали как большую проблему, так как это препятствовало развитию торговли на островах.

Продолжилась практика переселения христиан Лусона на Минданао³⁰. Американцы стремились интегрировать мусульман в общенациональную жизнь страны, однако они только способствовали углубляющемуся расколу между Севером и Югом. Впоследствии их политика в отношении мусульман, заложившая мину замедленного действия и подхваченная независимым христианским правительством во второй половине XX в., дала о себе знать.

¹<https://ru.wikipedia.org/wiki/Филиппинцы>

² Левтонова Ю.О.. История Филиппин. Краткий очерк. М., 1979. С. 25

³ Кабеев В.. Остров моро. Очередной виток конфликта на Филиппинах. // "Коммерсантъ Власть". №4, 03.02.2014. С. 32

⁴ Илья Полонский. Филиппинские партизаны: две гражданские войны на одну страну «семи тысяч островов». 28.08.2014 //Военное обозрение

⁵Jonh Finley. The Mohammedan problem in the Philippines II, July 1, 1916 // The Journal of Race Development. P. 33

⁶ Левтонова Ю.О.. История Филиппин. Краткий очерк. С.142

⁷ Левтонова Ю.О.. История Филиппин XX век, М., 2011 С. 123

⁸ Jonh Finley. P.33

⁹ Charles Byler. Pacifying the Moros: American Military Government in the Southern Philippines, 1899-1913 // Military Review May-June 2005 P. 41

¹⁰ Kawashima Midori. The "White Man's Burden" and the Islamic Movement in the Philippines: The Petition of Zamboanga Muslim Leaders to the Ottoman Empire in 1912. Monograph Series No. 17, 2014. p. 3

¹¹ Charles Byler. P. 41-42

¹²Ibid. P. 42

¹³ https://en.wikipedia.org/wiki/First_Battle_of_Bud_Dajo

¹⁴ Charles Byler. P.43

¹⁵ Charles Byler. P. 43-44

¹⁶ Почётный титул мусульман, передаваемый по мужской и женской линиям. В доисламской Аравии представитель знатного рода, градоправитель или вождь племени

¹⁷ Timothy Marr. Diasporic Intelligences in the American Philippine Empire: The Transnational Career of Dr. Najeeb Mitry Saleeby // Mashriq And Mahjar: Journal Of Middle East Migration Studies // Mashriq & Mahjar 2, No. 1 (2014). P. 78-106

¹⁸ Timothy Marr. P. 78-106

¹⁹ Kawashima Midori. P. 4

²⁰ У мусульман болезнь не является уважительной причиной для пропуска молитв. Мусульманин может пропустить молитву лишь тогда, когда вследствие болезни он потеряет сознание, память или лишится рассудка или же не прекращается какое-либо выделение, нарушающее омовение, на промежуток исполнения одной молитвы (кровотечение из носа). Такой человек становится обладателем «извинительного состояния».

²¹ Kawashima Midori. P.17-18

²² Jonh Finley. P.41

²³ Kawashima Midori. P.6

²⁴ Ibid. P.20

²⁵ Ibid. P. 7-8

²⁶ Титул высшего должностного лица по вопросам ислама в ряде исламских государств. Титул присваивался ведущим богословам, которые досконально знали исламскую правовую традицию и могли применять религиозные нормы к новым, ранее не трактовавшимся случаям. Также шейх-уль-ислам был обязан обладать моральным авторитетом в умме.

²⁷ Ibid. P. 10

²⁸ Ibid. P.12

²⁹ Jonh Finley. P.31

³⁰ Левтонова Ю.О. История Филиппин XX век. С. 123